

Концепт «Документ» в речи крестьян (по материалам Томского диалектного корпуса)

Светлана Сергеевна Земичева, Томский государственный университет (Россия, Томск),
optysmith@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170028367-2

АННОТАЦИЯ: Материал исследования — устная речь русских крестьян, фиксируемая на территории по среднему течению р. Оби (Томская и Кемеровская области) в течение 75 лет. Основным источником исследования является тематически размеченный диалектный корпус объемом два миллиона словоупотреблений. Проанализировано 128 текстовых фрагментов, относящихся к теме «Документы». На основе анализа словарных дефиниций выявлены понятийные компоненты концепта «Документ»: ‘нечто, относящееся к общественной или служебной деятельности’; ‘нечто новое’; ‘закрепляет права’; ‘может служить доказательством чего-либо’. В образном слое концепта, проявленном во внутренней форме слов, закреплены его ядерные признаки: материальный характер, связь со сферами образования, государства, межличностных отношений. В то же время уже на этом уровне прослеживается связь с чувствами и оценкой. Установлено, что центральным когнитивным признаком концепта «Документ» является его новизна, с которой связаны такие ассоциативные признаки, как ‘документ — это нечто непонятное’, ‘документ может служить средством обмана’. Последний из них, вероятно, отражает специфику народно-речевой культуры. Ценностный слой концепта, проявленный в дискурсе сельских жителей, сочетает позитивные (документ как признание заслуг человека, предмет гордости, музейный экспонат) и негативные (документ как нечто бесполезное) оценочные компоненты. Установлено, что смысловые компоненты ‘документ фиксирует истинное положение дел’, ‘документ закрепляет права’ в диалектном дискурсе актуализируются нечасто, хотя в словарном представлении концепта именно они занимают центральное положение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектология, диалектный дискурс, русские говоры Сибири, концепт «Документ», диалектный корпус

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Земичева С. С. Концепт «Документ» в речи крестьян (по материалам Томского диалектного корпуса) // Русская речь. 2023. № 5. С. 69–80. DOI: 10.31857/S013161170028367-2.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10015 «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья»).

From the History of the Russian Language

Concept “Document” in the Speech of Peasants (Based on the Materials of the Tomsk Dialect Corpus)

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Russia, Tomsk), optysmith@gmail.com

ABSTRACT: The article is based on the oral speech of Russian peasants, recorded on the territory along the middle course of the river Ob (Tomsk and Kemerovo regions) for 75 years. The main source of the study is a thematically annotated dialect corpus, which includes 2 million tokens. In the course of study I have analysed 128 text fragments related to the topic “Documents”. Based on the analysis of dictionary definitions, I identified the components of the “Document” concept: ‘something related to public or service activities’; ‘something new’; ‘enforces rights’; ‘can serve as proof of something’. In the figurative layer of the concept, manifested in the inner form of words, its core features are fixed: materiality, connection with the spheres of education, state, and interpersonal relations. At the same time, already at this level, there is a connection with feelings and evaluation. It has been established that the central cognitive feature of the “Document” concept is its novelty, which is associated with such associative features as ‘a document is something incomprehensible’, ‘a document can serve as a means of deception’. The last of them probably reflects the specifics of folk speech culture. The value layer of the concept, manifested in the discourse of rural residents, combines positive (a document as a recognition of a person’s merits, a source of pride, a museum exhibit) and negative (a document

as something useless) evaluative components. It has been established that the semantic components 'document fixes the true state of affairs', 'document fixes rights' in dialect discourse are updated infrequently, although they occupy a central position in the dictionary representation of the concept

KEYWORDS: dialectology, dialectal discourse, Russian dialects of Siberia, the concept "Document", dialectal corpus

FOR CITATION: Zemicheva S. S. Concept "Document" in the Speech of Peasants (Based on the Materials of the Tomsk Dialect Corpus). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 69–80. DOI: 10.31857/S013161170028367-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-78-10015 "Development of electronic resources for the study of folk speech culture of the Middle Ob region").

В современной диалектологии активно используются новые методы и методики анализа традиционного материала диалектных архивов [Гольдин, Крючкова 2010; Демешкина 2014; Szmrecsanýi 2014]. Одним из таких подходов является когнитивно-дискурсивный, при котором диалектная речь рассматривается как особая разновидность языка, отражающая специфику крестьянского мировосприятия [Гольдин 1997]. Термин «концепт» подразумевает «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2009: 24]. Анализ диалектной концептосферы позволяет выявить ее своеобразие как на понятийном, так и на ценностном уровне [Иванцова 2018; Гынгазова 2019; Вендина 2020 и др.].

Обращение к концепту «Документ» обусловлено несколькими причинами. Во-первых, эта понятийная область, насколько нам известно, ранее не описывалась на диалектном материале, чем обусловлена новизна работы. Во-вторых, данный концепт относится к числу новых, что позволяет исследовать диалект в динамике, проследить его трансформацию. В-третьих, документ как материальная сущность связан с рядом абстрактных категорий, таких как «право», «государство», «собственность», анализ функционирования которых в крестьянской ментальности также представляет интерес.

Попытка сопоставить функционирование концепта «Документ» в профессиональной среде и наивной картине мира на основе анализа отдельных языковых фактов предпринята в статье Е. М. Слаутиной. Установлено, что представление о документной коммуникации в наивной картине мира отличается, во-первых, прагматичностью, во-вторых, амбивалентностью (осознание важности документа сочетается с негативно-ироническим, пренебрежительным отношением к данной сфере жизни) [Слаутина 2016]. В монографии И. В. Тубаловой была показана взаимосвязь официально-делового

и повседневного дискурсов, описаны случаи полифонических включений из дискурса документа в повседневную коммуникацию [Тубалова 2016].

Данное исследование базируется на материалах архива, включающего расшифровки диалектной речи, записанной на территории Среднего Приобья (Томской и Кемеровской областей) с конца 40-х гг. XX в. до настоящего времени. На основе этих архивных записей создан цифровой ресурс — Томский диалектный корпус [ТДК]. Объем корпуса на момент подготовки статьи — более двух миллионов словоупотреблений. Материалы в корпусе вручную размечены по темам под руководством автора статьи. Тематическая разметка имеет сплошной характер и осуществляется на уровне текстового фрагмента. Это означает, что определено содержание каждого текстового отрезка, оно маркировано как относящееся к одному из пунктов тематического перечня. На данный момент в ТДК входит около 2000 текстов, в которых выделено более 30 000 тематических фрагментов. Пользователь корпуса имеет возможность выбрать фрагменты по интересующей его теме.

Тема «Деньги и документы» отмечена в 556 текстах. Из них были выбраны текстовые фрагменты, относящиеся к сфере документов, в результате сформирован авторский подкорпус из 128 текстовых фрагментов общим объемом более 20 000 слов. При необходимости привлекались также сведения из опубликованных диалектных словарей региона.

Всего в исследуемых материалах насчитывается более 60 обозначений различных документов. Анализировались как диалектные, так и общерусские лексемы, бытующие в речи сельских жителей Среднего Приобья. Недифференциальный подход в диалектологии восходит к идеям Б. А. Ларина, воплощением которых стали словари полного типа — «Псковский областной словарь с историческими данными», «Вершининский словарь (ВС), «Полный словарь диалектной языковой личности» (ПСДЯЛ). Суть такого подхода состоит в том, что «диалект рассматривается как целостная система, включающая в себя общерусские, диалектно-просторечные, собственно диалектные элементы и взаимодействующая с литературным языком и городским просторечьем как формами русского языка» [Демешкина 2014: 269]. Развитие недифференциального исследования русских говоров связано также с созданием электронных корпусов, включающих значительные объемы материалов в виде связных текстов (расшифровок диалектной речи) [Гольдин, 1997].

В качестве методологической основы настоящей работы взята теория В. И. Карасика, согласно которой структура концепта включает понятийный, образно-ассоциативный и ценностный компоненты («слои») [Карасик 2002: 107]. Учитывался также опыт описания диалектных концептов в работе Л. Г. Гынгазовой, где используются приемы анализа внутренней формы слова и контекстов его употребления [Гынгазова 2019].

Понятийный слой

Толкование имени концепта в диалектном словаре полного типа не обнаруживает отличий от литературного языка: «Документы — деловые бумаги,

служащие доказательством чего-л.» [ВС, т. 2, 1999: 142]. Это определение позволяет выявить следующие компоненты семантики, выступающие как когнитивные признаки концепта:

‘относящийся к общественной, служебной деятельности, к работе’ (деловые);
‘имеющий материальный характер’ (бумаги);
‘основная функция — служить доказательством чего-либо’.

Функция документа как доказательства актуализируется в ситуации общения с диалектологами. На этапе знакомства часто в ответ на вопросы собирателя следует предложение принести документы: [В каком году вы родились?] Я? В тысяча девятьсот двадцать седьмого года <...> **Паспорт**¹ показать? **Свидетельство о рождении** показать? (с. Парабель, Пар., 2012). Работала я в войну, у меня вон **трудова**я. Там, я щас вам покажу, у меня всё в **трудова**й: много-много лет, всё, как начала жить (с. Вершинино, Том., 1997). В следующем высказывании эксплицирована связь с категорией истины: Вот моя **трудова**я книжка, что говорю, то **подтверждено**. Что говорю, **всё правда**, говорю (с. Вершинино, Том., 2013). Иногда документы не предъявляются, а лишь упоминаются: Награды есь у меня, и медаль мне давали, обшэм я труженик тыла, **удостоверение**, ветеран труда и вдова ешб вдобавок (д. Петрово, Том., 2008). Имею **корочки**, ветеран труда я (с. Новосельцево, Пар., 2014). Такие упоминания, вероятно, направлены и на подтверждение правдивости слов, и на самопрезентацию (хороший работник). В этом отношении интересно зафиксированное в корпусе словосочетание *трудова*я книга: В 16 лет у меня уже **трудова**я книга была (г. Асино, Ас., 2017). Использование в составе устойчивого сочетания существительного без уменьшительно-ласкательного суффикса -к- отражает, вероятно, стремление говорящего повысить ранг документа, а через него и собственный социальный статус в глазах собеседника.

В толковании других единиц регулярно отражается связь документа с категорией права: *билет* ‘документ **на право** пользования чем-л., приобретаемый за плату’ [ВС, т. 1, 1998: 85], *доверенность* ‘документ, дающий **право** действовать от лица доверителя’ [ВС, т. 2, 1999: 136], *талон* ‘контрольный листок, дающий **право** на получение чего-л., доступа куда-л.’ [ВС, т. 7, 2002: 25].

К понятийному слою концепта можно отнести также когнитивный признак ‘нечто новое’. Он представлен через словарную помету «нов.», сопровождающую толкование многих анализируемых лексем, около четверти из которых являются заимствованиями. Для некоторых из них характерна неполная освоенность звуковой формы, ее варьирование (*брачная/обрачная, бюллетень/билетень/бэлетень, ваучер/вавучер, метрики/нэтрики, регистрация/легистрация, паспорт/пáчпорт/пáшпорт* и др.).

¹ В предлагаемом рассуждении внимание на гиперо-гипонимических отношениях лексемы *документ* и тех лексем, которые называют разные типы и виды документов, специально не акцентируется, данный тип отношений в изучении диалектного концепта может представлять отдельный исследовательский интерес.

Табл. 1. Доля текстов Томского диалектного корпуса, включающих тематический фрагмент «Документы», в разные временные периоды

Table 1. The share of texts of the Tomsk dialect corpus, including the thematic fragment “Documents”, in different time periods

Период	40-е	50-е	60-е	70-е	80-е	90-е	2000-е	2010-е
Всего текстов за период	105	182	476	402	501	50	26	107
Число фрагментов по теме «Документы»	2	2	21	23	29	7	8	36
% фрагментов по теме «Документы»	2	1	4	6	6	14	31	34

Когнитивный признак ‘новизна’ выявляется и при анализе текстов. Архивные материалы отражают процесс появления документов: *...Я чё-то с этими ногами ничё не делаю, дни идут, а я всё сижу. У нас все **паспорта** получили, только я, наверно, одна... Паспортист — начальник паспортного стола — не ругалась, но сказала, что надо получить. Мы, мол, задрбживам других. Я фотокарточки отнесла, сдала, сказали <тридцать первого> марта за паспортом прийти... Может, Лиля сходит, поди, дадут* (с. Зырянское, Зыр., 1978). Память о временах, когда в деревнях отсутствовали документы, сохраняется до настоящего времени: *У нас **трудоовых книжек** не было, нас в список записывали, и мы работали, кто сколько выполнил, кто больше нормы. Платить, нам почти не платили, даже не помню, чтобы мы какие-то зарплаты получали* (с. Парабель, Пар., 2012). Подобные высказывания регулярно встречаются в записях из новых экспедиций.

Данные Томского диалектного корпуса указывают на возрастание относительного числа текстовых фрагментов, где упоминаются документы, с каждым десятилетием (см. табл. 1). Данная закономерность может объясняться не только активным внедрением документов в жизнь села на протяжении XX в., но и особенностями материалов, представленных в корпусе. Записи 40–60 гг. фиксируют, как правило, лишь диалектные единицы в минимальных контекстах, поэтому сфера документов, обозначаемая преимущественно общерусскими словами, представлена слабо. Запись связных текстов началась с 80-х гг. XX в., поэтому данные за последние 40 лет наиболее точны. Тем не менее в целом прослеживается четкая тенденция к увеличению представленности исследуемой тематической области в диалектной коммуникации.

Образный слой

У некоторых слов, представляющих данный концепт, значение, связанное со сферой «Документы», является вторичным. В их числе лексемы *бумага* ‘всякий письменный документ официального характера’ [ВС, т. 1, 1998: 35], *книжка* ‘документ в виде сшитых вместе листков с каким-л. текстом и местом для дальнейших официальных отметок’ [ПСДЯЛ, т. 2, 2007: 61], *корочки* ‘удостоверение, документ, подтверждающий что-л.’ [ПСДЯЛ, т. 2, 2007: 86], указывающие на физические характеристики документа.

Внутренняя форма существительного *грамота* отражает связь с концептом «Образование». Анализ контекстов также позволяет заключить, что умение обращаться с документами, по мнению сельских жителей, требует образования: *Ну, она, Галина-то, в общем, грамотная, у ней знакомства дополна и.... Раз приходили домой бумагу делали эти, нотариусы — ишь, она всё сделала на себя, она хоть и говорит, что «нет»...* (с. Вершинино, Том., 2013).

Взаимосвязь документов и власти, государства в образном слое проявляется в сочетаемости единиц: так, *билет* может быть *военным, партийным, комсомольский/комсомольским, грамота — министерской, областной*. Эта связь отражена и во внутренней форме имени существительного *права* 'документ, разрешающий какому-л. лицу управлять автомобилем, мотоциклом и т. п.': в данном случае произошло сужение значения, его конкретизация и закрепление за формой множественного числа.

Номинации *дарственная* и *договор* указывают на связь документов со сферой межличностных отношений. К ней же относится диалектное обозначение *брачная* 'свидетельство о браке': *Она на суд подала, а брачной нету, похоронку-то нашли* [ПСДЯЛ, т. 1, 2006: 81].

Особняком среди наименований документов стоит слово *похоронка*, внутренняя форма которого связана с обрядом. Образная номинация вытеснила эмоционально нейтральное обозначение *извещение* (в корпусе не зафиксировано), так как более определенно указывает на связь документа с трагическим событием.

Обозначения *благодарность, доверенность* мотивированы обозначением чувств. Устойчивое словосочетание *похвальный лист* содержит оценочную лексему.

Таким образом, во внутренней форме слов, обозначающих те или иные документы, имеются эмоционально-оценочные компоненты, что отражает специфику языковой категоризации мира. Сделанные наблюдения, по всей видимости, характерны для русского языка в целом; при анализе образного слоя концепта диалектная специфика практически не проявляется. Слова-репрезентанты концепта не используются в переносных значениях, не включаются в идиомы, устойчивые выражения, сравнения, что может быть обусловлено новизной концепта.

Ассоциативный слой

В этот раздел включены повторяющиеся в текстах мотивы, ассоциации, связанные с анализируемым концептом в диалектном дискурсе.

Получение необходимых документов может быть сопряжено с трудностями, что отражается в сочетаемости обозначений исследуемого концепта с глаголами *хлопотать, выхлопотать, вырешить*: *Работали много, а мне долго не платили пенсию. Колхоз соединили, бумаги пригнали все, побросали. Долго хлопотали. Мне через четыре года **вырешили** только пенсию. А мы всю войну проработали* (с. Нарым, Пар., 1979). *Эта вот куколка-то **выхлопотала, справку** там дали, в архиве, что это, была медаль* [ПСДЯЛ: 115].

Обозначения документов в диалектных текстах регулярно сочетаются с неопределёнными местоимениями: *А внучек был на службе. А отщёль прислал: «Баушка, пиши **каку́-то справку**, меня тода́ отпущут».* Как же, ходила я в совет, там написали и с печатью, всё правильно. Потом я и послала. Послала и не чаяла, а он через месяц и пришёл (с. Малое Бабарыкино, Шег., 1967). Представление о документе как о чем-то сложном, непонятном отражено также в следующих контекстах: *Ну раз не дают, думаю, пойду сюда, здесь вроде как это... [неразб. 1 слово] вот тут-то **по документам**, вроде не это... ну и ладно... пошёл, она мне налепи-ила, налепи-ила всё это... ну, чтобы сдать и **паспорт** получить, а **ума-то тоже не хватило** (с. Рыбалово, Том., 2015). Всё, что наше было, общее вот построили — отобрали. Дали **ва́вучеры**, а мы **понятия не имели, что это**, [усмехается] а к кому потом они попали, вам теперь известно (с. Парабель, Пар., 2012).*

На этой основе формируется ассоциативная связь ‘документы — обман’: *Ну и значит приезжаем в сельский совет, а председатель... секретарь выходит из сельского совета и говорит: так, молодые, я вас... могу вам печати поставить щас в паспорт, а там в журнал, потом я, вам, вас, это, заведу вас, журнал, и-и выдам, **свидетельство о браке**. <...> Раз мой паспорт. Раз — печать поставили. А он свой паспорт... а я пока на эту, печать на свою любовалась стояла, он сунул, а тот [секретарь] размахнулся, а тот [муж] паспорт убрал, и паспорт у него чист оказался. Представляете себе, девочки? Это деревенскую девчонку как можно **обмануть**, это вообще (с. Вершинино, Том., 2013). Да, а тут ёздют эти, **мухлюют** какие-то, [нецензурн.]. И вот позавчера, ну, позавчера, у меня пришли двое к вратам. Я вышел, ага, вот он как талмуд достаёт: «У вас вода проведёна в дом?». Я грю: «Проведёна». Ага. Ну, вот **пока́зывают там чё-то, фотографии какие-то. Вот, что в баках, это, сор, грязь, это, ржавчина.** [Про фильтры рассказывают?] Да-да, очистные сооружения. [Это мошенники.] Мошенники. <...> А он сел, писать давай, за стол сел, писал-писал. <...> Потом: «Здесь распиши-тесь, здесь». Я расписался, а не читал, чё там. <...> Ну, **дб́говор** у меня есть, записано всё (с. Рыбалово, Том., 2015).*

Упоминается в диалектных текстах и о том, что документы могут использоваться как средство обмана малограмотных крестьян представителями власти: *Только-только пошли на пенсию, **обманули** нас, дураков старых. Она эти **ведомости** переписывала. Она присваивала по пять рублей с нас (с. Поломошное, Яшк., 1974). У меня колхозный стаж двадцать один год, вот **непра́вильна справка**. <...> Облсобес начисляет пенсию. Они здесь что-то **нахимичили** — им отказали (с. Белый Яр, В.-К., дата записи не указана). Такие примеры, предположительно, специфичны именно для народно-речевой культуры, носителями которой являются сельские жители старшего поколения с невысоким уровнем образования.*

Преимущественно негативные коннотации в диалектной речи имеет слово *облигация*: *Коровёнка есть — мяса сорок кзэ́ отдай, молока отдай. Да подпиши месячную зарплату — отдай, да подпиши **облигацию** — отдай, да подпиши на*

та́нок [танк], да подпиши на авиацию (с. Белый Яр, В.-К., 1979). *А что не жить чечас: ни налог тебя не давит, ни облигация* (с. Высокий Яр, Пар., 1983). Облигация — это документ, фиксирующий право на получение денег, но в диалектной речи сформировалось специфическое представление о нем. Жизненный опыт крестьян связан, во-первых, с принуждением к покупке облигаций государственного займа, во-вторых, с обесцениванием денег, из-за которого облигации так и не принесли выгоды. В результате эти документы воспринимаются как нечто несерьезное, что отражено в текстах через сопоставление с игрушкой: *Кака пачка была этих облигаций, дома лежали всё без дела. Внучки все с имья играли, сунешь им, чтоб не кричали, они все их и прива́ли, ушли эти все тыщи на ветер* (с. Никольское, Крив., 1985). *Облигации* были, у меня сейчас нету их ни одной, ребятишкам отдала *в игрушки*. А потом они стали погашаться (с. Вершинино, Том., 1991). Рассказы об этих деловых бумагах отражают чувства разочарования, сожаления, недоверия власти.

Ценностный слой

В рамках ценностного слоя можно выделить два аспекта. Первый — представление о том, что документ — это нечто ценное, важное; второй — представление о том, что документ — это нечто хорошее или нечто плохое (оценка). Необходимость при реконструкции ценностного слоя концепта обращаться к анализу оценочных суждений отражена в работе В. И. Карасика [Карасик 2002: 187].

В рамках первого аспекта можно указать, что использование документов сопряжено со значимыми событиями жизни: рождение (*метрики*), образование (*аттестат, диплом, табель*), служба в армии (*повестка, военный билет*), вступление в брак (*легистировать, расписаться*), работа (*грамота, трудовая книжка, обходной лист*), дом (*прописка, прописать*), отдых (*путёвка*), еда (*карточки*), болезнь (*больничный лист, бюллетень*), смерть (*завещание, похоронка*).

Обычно документы оцениваются с утилитарных позиций. Рассказы о них нередко связаны с описанием каких-либо льгот или материальной выгоды: *Вот сейчас бесплатный проезд, дали книжечку, чтобы я бесплатно ездила* (с. Вершинино, Том., 1991). Восприятие документа как объекта, имеющего историческую ценность, отражено в следующем контексте: *на курсы финансистов ездила. Всё хотела корочки в музей сдать, у нас открылся недавно, да некогда* (г. Колпашево, Колп., 1982).

Собственно позитивная оценка документов при этом встречается нечасто и обусловлена восприятием некоторых из них как признания заслуг, выражения уважения: *Вон сколь грамотов, и в почёте была везде, и сколько у меня грамот, и сколько... везде* (с. Баткат, Шег., 2018). *Есть благодарности, есть... старалась, работала на себя, это нескромно говорить, но это так* (с. Парбель, Пар., 2012).

Интересна лексема *прави́шки*, зафиксированная во время одной из новых экспедиций и отсутствующая в словарях: *Мы здесь сдали экзамены, потом по-*

ехали в городе сдали и **правѣишки** получили. Это я уже **правѣишки** получал, у меня уже машина была. Ну, что ты, это богачей считалось, на деревне четыре или пять машин, ну, что ты. Кому куда надо, все шапку ломают: доведи да увези (с. Батурино, Том., 2016). Эта лексическая единица образована по той же модели, что и другие диалектные лексемы — *дровишки*, *шторишки*, *свадьбишка*. Особая коннотация таких единиц обозначена О. И. Блиновой как «снисходительная», что подразумевает сочетание элементов позитивной и негативной оценки; соответствующая помета используется в томских словарях [ПСДЯЛ, т. 1, 2006: 15]. В семантике лексемы *правѣишки* позитивный компонент связан с восприятием документа как чего-то нужного, полезного, а негативный обусловлен этикетными нормами (запрет на хвастовство).

Негативная оценка документов отражает представление о них как о чем-то бесполезном, ненужном: *Вот придут проверять **паспорта**, ага. «Бабушка, **паспорт**». — «Ой, кормильцы вы мои. А на чтой он мне? Ой, и на тот свет и так примут!»* (с. Каргала, Шег., 1988). Негативно воспринимается необходимость документального подтверждения всех действий, оформления большого количества документов: *Щас **бумажки** всяки. Зарезал какú скотину. Нáдоть везти в Анжёрку [г. Анжеро-Судженск]. Так щас иди в сельсовет — **разрешение** выпишут. **Спраўку** от лечебницы. Тодá имéшь право продать* (с. Варюхино, Юрг., 1970). Однако, *три или четыре бухгалтера, зарплаты всё вовремя не бывáт. А раньше бухгалтер, вот, и бригадир. А <сейчас>, пришёл подписать какó-нибудь **заявление**, к одному, ко второму, да к третьему. Один: «Нет, ты не ко мне», другой: «Ты не ко мне»* (с. Вершинино, Том., 1991).

Выводы

Понятийный слой концепта «Документ» в диалектной речи включает следующие компоненты: ‘документ — это нечто, относящееся к общественной или служебной деятельности’; ‘документ — это нечто новое’; ‘документ закрепляет права’; ‘документ может служить доказательством чего-либо’. Функция документа как доказательства актуализируется в ситуации общения с диалектологами.

Анализ образного слоя концепта позволяет выделить следующие его когнитивные признаки, проявленные во внутренней форме слов: материальный характер, связь со сферами образования, государства, межличностных отношений. В то же время уже на этом уровне прослеживается связь с чувствами и оценкой, что не позволяет рассматривать концепт как эмоционально нейтральный.

Ценностный слой концепта, проявленный в дискурсе сельских жителей, сочетает позитивные (документ как нечто важное, признание заслуг человека, предмет гордости) и негативные (документ как нечто бесполезное) оценочные компоненты.

Анализ концепта «Документ» позволяет сделать некоторые наблюдения о правовом сознании сибирских крестьян: в некоторых случаях право превращается в обязанность (ходить в учреждения, «хлопотать», что не всегда завершается положительным результатом).

Основным когнитивным признаком концепта является новизна. На этой основе появились такие ассоциативные признаки, как 'документ — это нечто непонятное', 'документ может служить средством обмана'. Последний из них, вероятно, отражает специфику народно-речевой культуры. В перспективе возможно сопоставление полученных данных с материалами других русских говоров и литературного языка для обобщения сделанных наблюдений и проверки высказанных предположений.

Список сокращений районов

Ас. — Асиновский район, Томская область
В.-К. — Верхнекетский район, Томская область
Зыр. — Зырянский район, Томская область
Карг. — Каргасокский район, Томская область
Кол. — Колпашевский район, Томская область
Крив. — Кривошеинский район, Томская область
Мол. — Молчановский район, Томская область
Пар. — Парabelьский район, Томская область
Том. — Томский район, Томская область
Шег. — Шегарский район, Томская область
Юрг. — Юргинский район, Кемеровская область
Яшк. — Яшкинский район, Кемеровская область

Источники

ВС — Вершининский словарь: в 7 т. / Гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999–2002.

ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.

ТДК — Земичева С. С., Дубцова Л. А., Громов М. Л., Галанина В. В., Угрюмова М. М., Васильченко А. А., Паршина А. В., Попова Д. П., Думинская А. В., Зюзькова Н. А., Буханова Е. Д. Томский диалектный корпус 2.0 [Электронный ресурс] // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: http://losl.tsu.ru/losl_search (дата обращения: 13.10.2020). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Литература

Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М.–СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. 120 с.

Гынгазова Л. Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX — начало XX в.) / Под общ. ред. И. А. Айзиковой. Томск: Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2019. С. 55–95.

- Демешкина Т. А. Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку: материалы международной научной конференции (Брно, Чехия, 05–07 мая 2014 г.). Брно, 2014. С. 268–278.
- Иванцова Е. В. Вариативность реализации ключевого концепта ХЛЕБ в разных типах русской речевой культуры // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, 20–22 июня 2018. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1172–1181.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Слаутина М. В. Лексическая категория «Документ» в когнитивном аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 1. С. 82–86.
- Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах; науч. ред. З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.
- Szmrecsanyi B. Methods and objectives in contemporary dialectology // Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars / eds. Ilya A. Seržant & Björn Wiemer. Vol. 12. Bergen: Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2014, pp. 81–92.

References

- Demeshkina T. A. [Development vectors of modern Russian dialectology]. *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Topical issues of teaching the Russian language]. Proceedings of the International Conference. Brno, Czech Republic. 05–07 May 2014. Brno, 2014, pp. 268–278. (In Russ.)
- Gol'din V. E. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoi dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]: dis. ... d-ra filol. nauk v vide nauch. dokl. Saratov, 1997. 52 p.
- Gol'din V. E., Kryuchkova O. A. *Russkaya dialektologiya. Kommunikativnyi, kognitivnyi i lingvokul'turnyi aspekty* [Russian dialectology. Communicative, cognitive and linguocultural aspects]. Saratov, Izd. Centr "Nauka", 2010, 120 p.
- Gyngazova L. G. [Key concepts of traditional folk culture in the speech practices of the Siberian peasant woman]. *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshherossiiskom i evropeiskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (XIX – early XX centuries), ed. I. A. Aizikova]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2019, pp. 55–95. (In Russ.)
- Ivanцова Е. В. [Variation in the implementation of the key concept of BREAD in different types of Russian speech culture]. *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki: materialy po itogam Mezhduнародной konferencii rusistov v Barselonskom universitete, 20–22 iyunya 2018* [Actual problems and prospects of Russian studies: materials on the results of the International Conference of Russianists at the University of Barcelona, June 20–22, 2018]. Barcelona, Trialba Ediciones, 2018, pp. 1172–1181. (In Russ.)
- Karasik V. I. *Yazykovii krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p.
- Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow, Gnozis, 2009. 406 p.
- Slautina M. V. [Lexical category "Document" in the cognitive aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2016, vol. 15, no. 1, pp. 82–86. (In Russ.)
- Szmrecsanyi B. Methods and objectives in contemporary dialectology. *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars* / Eds. Ilya A. Seržant & Björn Wiemer. Vol. 12. Bergen, Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2014, pp. 81–92.
- Tubalova I. V. *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2016. 370 p.
- Vendina T. A. *Antropologiya dialektного слова* [Anthropology of the dialect word]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020. 684 p.